

Культурное гражданство: определения и эмпирическая контекстуализация¹

Данила Иванов

Стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: d.ivanov@hse.ru

Татьяна Власова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: tavlasova@hse.ru

Роман Абрамов

Доктор социологических наук, профессор департамента социологии факультета социальных наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: rabramov@hse.ru

В статье представлены подходы к концептуализации понятия «культурное гражданство», применяемого для описания проблем интеграции и социальной инклюзии. «Культурное гражданство» — одно из понятий, развивающих парадигму гражданства и гражданственности, существовавшее в традициях политической теории и социологии культуры. Цель статьи заключается в разработке социологического подхода к теоретической концептуализации «культурного гражданства», опираясь на существующие подходы к определению таких понятий, как «гражданство», «солидарность», «идентичность», «инклюзия». В первой части статьи сопоставляются юридические и социологические понятия гражданства и их связи с «культурным аспектом» гражданства. На основе этого сопоставления формулируется предмет и проблематика концепции культурного гражданства в социальных науках. В заключительной части статьи анализируются два подхода к определению культурного гражданства — политико-теоретический, отталкивающийся от государства как источника гражданства и акцентирующий внимание на юридических инструментах интеграции; и культур-социологический, отталкивающийся от сообщества как источника гражданства и акцентирующий внимание на интегративных практиках культурного производства. Интеграция двух подходов дает основания для определения культурного гражданства как процесса, реализующегося на организационном уровне; при этом решающую роль играют культурные институции как виды организационных структур.

Ключевые слова: культурное гражданство, солидарность, культурные институции, организация, культурные различия, инклюзия

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10098 «Культурное гражданство и локальная солидарность: опыт социальной инклюзии аудитории музеев России».

Авторы статьи выражают искреннюю благодарность рецензенту и научному редактору за комментарии и тонкие замечания, позволившие сделать текст более точным.

Во многих сегодняшних теоретических дискуссиях тесно переплетены вопросы исторической и этнической идентичности, семиотических идеологий (Keane, 2018), ревизии гражданства и производства солидарностей, основанных как на изобретениях традиции, так и на творческом переосмыслении права принадлежности к социокультурным сообществам. Расовые проблемы, дебаты о политических интересах, связанных с миграционными процессами, возможности для этнических меньшинств — всё это стало новой спорной территорией, затрагивающей почти каждого, особенно в тех частях мира, где культурная и политическая нестабильность кажутся постоянными. Для понимания флуктуаций, происходящих на поле гражданской и культурной солидарности, и линий разлома в этой сфере требуется дополнительная теоретическая проработка тематических категорий, среди которых определенным аналитическим потенциалом обладает понятие «культурного гражданства». Оно увязывает нормативные и правовые аспекты гражданской принадлежности, социальные контексты (вос)производства основанных на нем солидарностей, а также сопутствующие напряжения и культурные конфликты: то есть все то, что составляет проблему неконгруэнтности механического и органического (согласно Ф. Тённису) пониманий основ солидарности². Наша статья систематизирует имеющиеся теоретические подходы к проблеме культурного гражданства, фиксирует лакуны в ее описании и демонстрирует ее эмпирические перспективы.

Цель статьи заключается в разработке социологического подхода к концептуализации «культурного гражданства». В статье обозначены потенциал и ограничения «культурсоциологического» и «политико-теоретического» (т. е. двух основных) взглядов на культурное гражданство, отталкивающихся преимущественно от традиции определения гражданства и солидарности, заложенной в работах Т.Х. Маршалла. Настоящая статья позволяет опосредовать обе перспективы и перенести разрабатываемую концепцию культурного гражданства на уровень эмпирического исследования.

Неконгруэнтность правовых и социальных оснований солидарности

Юридическое понимание гражданства и солидарность

Сначала рассмотрим гражданство в юридическом смысле: как формализованный правовой политический инструмент социальной интеграции. Наделение статусом гражданина на практике отличает его обладателей от неграждан и объединяет «своих» в оппозиции к «чужим». Однако тот же институт гражданства в юридическом смысле используется для интеграции упомянутых «чужих», то есть неграждан и иностранцев. В российском контексте недавним примером этого стали поправки в Федеральный закон «О гражданстве», касающиеся упрощения полу-

2. Говоря социально-философским языком, эта проблема может звучать как несовпадение объединения социальных единиц как вещей-в-себе (т. е. механических единиц) и социальных единиц как вещей-для-себя (т. е. органически существующих единиц).

чения российского гражданства для, пользуясь понятием А. Сена, представителей инструментально важных (*instrumental importance*) социальных категорий (Sen, 2000). Итак, гражданство сочетает в себе функциональные аспекты внутренней (*internal*) интеграции, направленной на внешние государству социальные категории (иностранцев), и внешней (*external*) интеграции, обычно опирающейся на принципы внутренней политики. В социологическом смысле это создает парадокс, когда гражданство становится одновременно дифференцирующим и гомогенизирующим статусы институтом (Marshall, 1964).

Дифференцирующая черта гражданства как способа интеграции следует из условий, когда гражданством наделяется, например, иностранец или представитель иной культуры: это значит, что теперь статус гражданина включает в себя помимо «своего» еще и кого-то «чужого». Интеграция представителя другой культурной вариации (другого культурного образа) в этом контексте могла бы быть реализуема с помощью гарантии юридических прав лишь в утопических условиях (Дарендорф, 2002: 332), да и то с оговорками. На практике интегрируемый чужак («иностранец», мигрант), получая с новым гражданством обновленный статус и опыт, не лишается диспозиций *status quo ante*, составляющих исходные для субъекта культурные черты (Баньковская, 2006: 123). Таким образом, гражданство в юридическом смысле, используемое в интеграционных целях, всегда сталкивается с проблемой интеграции культурных черт, в частности, с проблемой работы со *status quo*. Известный пример — социальная интеграция афроамериканского населения США, которому в середине XX века после долгой борьбы был предоставлен статус равноправных граждан, однако это не решило проблемы геттоизации и социального исключения (*social exclusion*) (Goffman, 2014; Mirzoeff, 2020: 27).

Гражданство в юридическом смысле выступает основой механического объединения «не-социальных классов», тогда как состояние солидарности является следствием органического единения, требующего разделения общих ценностей и культурных черт (Тённис, 2002). Таким образом, мы сталкиваемся с классической проблемой неконгруэнтности (*incongruent*) гражданского статуса и солидарности, в социальной науке встречающейся уже у Т. Гоббса, который писал о несовпадении понятия государства, его единства, гражданского общества, гражданских законов с гражданскими правами (Гоббс, 1989: 342). Культурные различия (*cultural difference*) — предположительно и есть остаток, составляющий предмет неконгруэнтности (Isin, Turner, 2002), которую Ч. Тейлор ставит в центр всей темы гражданства (Taylor, 1994). Одним из концептуальных решений данной проблемы стало появление понятия культурного гражданства (*cultural citizenship*). Само это понятие родилось в 1990–2000-х годах, в ходе обсуждения тем мультикультурализма и глобализации. Тогда же начались дискуссии о многомерности гражданства, где культурная составляющая оказывалась непосредственно одним из его измерений (Rojek, Turner, 2001). В настоящее время это понятие используется в эмпирических и аналитических исследованиях (Pruulmann-Vengerfeldt,

Runnel, 2018; Бабаян, Ярская, 2013), а лежащая в его основании проблематика неконгруэнтности проявляется также и в публичном политическом дискурсе.

Общие замечания о культурном гражданстве

Само понятие «культурное гражданство» содержит в себе очевидные противоречия. Так, еще на заре соответствующих дебатов Р. Розалдо (Rosaldo, 1994) указал на противоречивость самого сочетания слов «гражданство» и «культура». В юридическом смысле гражданство — это статус, то есть состояние (state); в социальной науке его классическое определение, данное Т.Х. Маршаллом, соотносится с членством (membership) в сообществе (Marshall, 1950) — то есть таким же состоянием, зафиксированным в определенных границах (Lamont, 2002, 2014). Культура же, напротив, является скорее текучим процессом, представляющим способы действия (Lamont, Fournier, 1992). Таким образом, культурное гражданство есть подобие «динамической статики», что является своего рода оксюмороном³.

Если следовать за социологическим определением гражданства как «членства» (membership), обнаруживается еще одно его неочевидное свойство, справедливо подчеркнутое Р. Штихве (хотя в целом такой взгляд характерен для всех последователей социологии Лумана): «нет смысла в атрибуции членства по отношению к экономике, юридической и социальной системе... строго говоря, некто не может быть и членом общества» (Stichweh, 2002: 105). Есть основания такую же логику переложить и на систему культуры. По словам Штихве, можно быть членом церкви, комитетов и университетов — то есть организаций; однако же общество или культура в целом не подразумевают членства как систематического свойства (Ibid.). Безусловно, существуют такие определения «культуры», которые допускают «членство»: например, субкультура в узком смысле — там, где культура тесно связана с культурой конкретного сообщества или конкретной организации. В основной части мы отсылаем к культуре в социологическом смысле — как системе, связанной с «высшей реальностью». Для того чтобы считать, что членство в культуре или обществе возможно, требуется определить их конкретные границы, за которыми высказывание «теперь я вне общества и вне культуры» будет выглядеть осмысленно. Принимая общество и культуру как системы, мы полагаем, что, будучи человеком, быть вне общества и культуры невозможно по причинам их функциональной необходимости.

Культурные различия как предмет культурного гражданства

Культурные различия в ходе интеграции формируются двойным сознанием (double consciousness). Так, У.Э.Б. Дюбуа называет непрерывное восприятие себя

3. Культурное гражданство структурой своего устройства напоминает «социетальное сообщество», являющееся, по выражению А.Ф. Филиппова, «теоретической бомбой», объединяющей в себе противоположные и едва совместимые сущности (Филиппов, 2023).

с двух позиций: с точки зрения «колонизирующего» взгляда и с позиции равноправного члена конкретного сообщества (DuBois, 2007). В случае с гражданством двойное сознание, с одной стороны, выстраивает символическую дистанцию, препятствующую ассимиляции и солидаризации, но с другой — представляет собой опору для сохранения идентичности, которую интегрируемые хотят утвердить в качестве равноправной в рамках доминирующей культуры. Отдельно заметим, что, несмотря на то что традиционно в рамках темы культурного гражданства упоминается Дюбуа, концептуально проблема культурных отличий и столкновения группы с чужаком рассматривалась еще Г. Зиммелем, в аспекте же, наиболее важном для нашей работы, — А. Шюцем (Баньковская, 2007; Шюц, 2004). По сути, Шюц решал проблему возможной инклюзии элементов культурного образца чужака (если использовать терминологию настоящего текста) в образец мы-группы. Впоследствии это нашло отражение в культурсоциологической парадигме гражданства, на которой мы подробнее остановимся в следующей главе.

Работа с культурными различиями — вопрос, не решаемый простой ассимиляцией — стратегией социальной интеграции, подразумевающей полное «стирание» инаковых черт и ресоциализацию по общепринятым канонам «принимающей» культуры (Parsons, 1965; Ярская-Смирнова, 1997). Культурные черты существуют как сложноартикулируемые и неявные, но эффективно и быстро «схватываемые» при непосредственном контакте лицом-к-лицу, через способы действия, встроенные в том числе и в техники тела (Мосс, 2011; Бурдьё, 2001). Так, представим радикальную ситуацию, когда для новых граждан прошлое туманно, будущее неясно, а все символические маркеры (язык, акцент, диалект, техники тела) способов действия полностью интегрированы и оснащены всеми требуемыми культурными чертами. И тут обнаруживается, что остается как минимум одно непреодоленное различие, которое вновь *окликнет* (Альтюссер, 2011) чужеродность субъекта для мы-группы, — фенотип и внешность в целом (DuBois, 2007; Lamont, Beljean, Clair, 2014; Valibar, 2005; Brubaker, 2015). Важность перехода к такому «заземленному» пункту заключается в том, что теперь интеграция «других» уже практически не зависит от степени их ассимиляции и обладания всеми правами всех аспектов гражданства, но от предубеждений принимающей культуры. Это подводит нас к ключевому тезису: полная интеграция новых граждан и выстраивание солидарности даже в идеальных условиях требует изменений культурных установок «принимающей» стороны. Неготовность к изменениям «своей» культурной вариации, даже при условии полной ассимиляции новых граждан, предположительно ведет к сегрегации (например, по расовому принципу), а в радикальных случаях — к уничтожению (*annihilation*) (Galtung, 1969). К подобному тезису приходит А. Онг, когда пишет, что культурное гражданство — это двунаправленный процесс субъективации в фукианском смысле, подразумевающий взаимопроникновение доминирующей и «миноритарной» культур (Ong, 1996: 741). Заметим лишь, что Онг формулирует свой тезис в нормативном ключе: если такое взаимопроникновение имеет место, то культурное гражданство реализуется, в случае же одно-

стороннего влияния — нет (Ong, 1999: 126). В нашей же формулировке тезиса мы отмечаем, что взаимопроникновение наступает с необходимостью в рамках любой стратегии; если мы имеем дело с «интеграцией» без взаимовлияния, то речь идет об уничтожении идентичности интегрируемого субъекта, что равнозначно символическому уничтожению самой социальной категории. Другими словами, чтобы случилась интеграция (инклюзивной формы), необходимо «разрушение» исходного (усл. доминирующего) культурного образца самого интегрирующего субъекта. Это «разрушение» может происходить через культурно значимые события (Stichweh, 2002) или же через общую культурную травму, на которую прямо указывает Дж. Александер, несмотря на то что в целом он оптимистично смотрит на интеграционный потенциал инклюзии и не видит необходимости в принятии идеи об обязательном разрушении/уничтожении исходного культурного образца субъекта, осуществляющего включение образцов чужой культуры (Александер, Куракин, 2012: 30).

Фактор «цвета кожи» и «внешности» (фенотипа) как основания для исключения и негативной дискриминации (иначе — «дисквалификации») является релевантным лишь для некоторых государств, среди которых известны прежде всего США (Parsons, 1965: 1051). Стоит заметить, что на практике для провала любой ассимиляционной стратегии достаточно уже упомянутых ранее символических маркеров (язык, акцент, «техники тела») либо особенностей «коллективной истории» интегрируемых. Другими словами, существование практически любого маркера инаковости уже является основанием невозможности полной ассимиляции. Когда же мы обращаемся к такой интеграционной стратегии как инклюзия — к процессу полноценного принятия инаковых (и в радикальной форме — чуждых) черт (Parsons, 1965: 1015), — проблема интеграции культурных черт становится еще более очевидной, поскольку усложняется всем набором фундаментальных сложностей взаимодействия между своим и чужим (Зиммель, 2002), а также необходимостью их публичного обсуждения (Хабермас, 2001).

Использование гражданства в юридическом смысле как инструмента интеграции субъекта в разных условиях, от стратегии радикальной ассимиляции до последовательной инклюзии, приводит нас к необходимости двусторонних изменений культурных черт. Для уточнения содержания процессов интеграции меньшинств в доминирующую культуру использовался концептуальный арсенал культурного гражданства. В оптимистической перспективе некоторых авторов, подпитанной критическими тезисами в духе Фуко и Бурдьё, открытость культурному плюрализму требует реформации существующих структур доминирующей культуры, особенно в области «культурных институций», воспроизводящих неинклюзивные культурные образцы (Stevenson, 2010; Ong, 1999; Bennett, 2005). В связи с этим стоит обратить внимание на следующее: коль скоро любая стратегия интеграции требует двусторонних изменений, за заботой об интегрируемых упускаются из вида изменения «доминирующей» культуры, для которой сохранение *status quo* становится проблематичным. Данное положение усугубляется при требовании

от представителей интегрируемой (и потенциально доминируемой) культуры специфического «патриотизма», позволяющего им отстаивать право на культурные различия (что теоретически совсем не обязательно может быть «естественным» для некоторых социальных категорий, народов и т. д.). Это особенно подчеркивается сторонниками либерально-коммунитарного подхода к пониманию гражданства (Delanty, 2002: 163-164). Культурное гражданство подразумевает не только проблему формирования средств интеграции культурно инаковых социальных категорий, но и проблему сохранения и активной защиты конститутивно важных черт принимающей культуры, что обычно теряется из вида в рамках аффирмативно окрашенных дискуссий о гражданстве. Важно обратить особое внимание на такой факт: если принимающая (доминирующая/исходная) культурная вариация перестает существовать, то ни о каком участии в значении членства (*membership*) в принимающей культуре в статусе полноценного гражданина соответствующего государства и включенности (*inclusion*)⁴ в органический поток гражданского общества речи идти не может. Таким образом, в теме интеграции принципиально важным становится вопрос защиты принимающей стороны, поскольку без существования такой стороны не может быть никакой интеграции, ни инклюзии, ни ассимиляции. Инклюзия как находящаяся в ядре культурного гражданства стратегия интеграции ставит под угрозу целостность и *status quo* принимающей стороны, ведь именно от нее требуются первоочередные культурные изменения. Это прекрасно понимают представители политико-теоретической перспективы, справедливо «редуцирующие» инклюзию к правовым инструментам, которые, несмотря на их слабую конкурентоспособность в сравнении с культурной инклюзией, все же позволяют защитить принимающую (доминирующую) культуру. Парадоксом культурного гражданства в такой постановке проблемы оказывается следующий вывод: одновременно с притязанием интегрируемых представителей чужих культурных образцов на изменение устройства доминирующей культуры, в интересах самих же интегрируемых оказывается ее защита, ведь именно эта культура формирует сами условия интеграции⁵.

Две концепции культурного гражданства

Две дисциплины и две территориальные эпистемологии

«Культурное гражданство» — понятие, сложившееся в ходе дискуссий о мультикультурализме, космополитизме, а также коммунитарном подходе к пониманию гражданства (Delanty, 2002; Isin, Turner, 2002; Rorty, 1999: 252-255). Несмотря

4. Иначе называемой «вовлеченностью», полагаясь на немецкое “*Die Einbeziehung*” (Хабермас, 2001), что обладает дополнительными смысловыми коннотациями, однако в контексте нынешнего текста синонимично «включенности», «инклюзии» и «*inclusion*».

5. В ином случае «притеснение» доминирующей культуры способно не просто привести к серьезным противостояниям, агрессии, но и к подрыву ее интегративных функций, отраженных в государственном устройстве.

на то что развитие понятия локализовано в конкретном «регионе» социальных наук, представления о взглядах на реализацию культурного гражданства делятся как минимум на два лагеря, которые Г. Деланти предлагает атрибутировать дисциплинарно: 1) позиция политической теории (political theory), развиваемая Р. Розалдо и У. Кимликой; 2) позиция социологии культуры (cultural sociology), развиваемая Н. Стивенсоном, Т. Миллером и (частично) А. Онг (Delanty, 2002). Заметим: мы рискнули бы сделать еще один шаг дальше, отметив, что различия этих перспектив не только и не столько дисциплинарные, сколько территориально-эпистемические (Кисленко, 2020; Kislenco, 2021). В них считывается не только разный подход к выделению аналитических категорий, но и существенная разница в том, от каких контекстов (характеризующихся определенными условиями конкретных государств и *a fortiori* территорий) и эмпирических примеров соответствующие определения выводились, однако это требует отдельных уточнений. В общем виде дисциплинарные различия выражаются в том, что политическая теория опирается на нормативную позицию и отталкивается от таких понятий, как «власть», «государство», «демократия», «права» (Janoski, Gran, 2002); тогда как культурсоциология опирается на позицию наблюдателя и оперирует такими понятиями, как «культурное производство», «сообщество», «солидарность», «инклюзия/эксклюзия» (Delanty, 2002a). В упрощенном виде политико-теоретическая перспектива сводима к тому, что гражданство и его аспекты «вырастают» из государства, тогда как культурсоциологическая описывает гражданство как продукт сообщества (Isin, Turner, 2002).

Если же обратить внимание на социальную историю формулировки и развития понятия «культурное гражданство», в рамках двух упомянутых дисциплин, то обнаруживаются и территориально-эпистемические коннотации соответствующего разделения. С одной стороны, существует контекст США, Австралии (Pakulski, 1997), Канады (Kymlicka, 2011), а также Великобритании (Kymlicka, Norman, 2000), где, как отмечали авторы, следующие эволюционистской логике, культура стала новым аспектом гражданства (Rosaldo, 1994). Данная эволюционистская логика соотносится с подходом Т. Х. Маршалла, выделившего три последовательно выводимых аспекта гражданства: гражданский, политический и социальный (Marshall, 1964). Культурное гражданство и права на репрезентацию — очередной шаг в устройстве этих стран, где солидарность развивается с гарантией равноправия (Rawls, 1963; Parsons, 1965), которая достигается преимущественно юридическими инструментами: чем больше прав, тем больше свобод и единения (Kymlicka, 2011; Rosaldo, 1994).

С другой стороны, существуют контексты, где статус гражданина имеет инертный и нейтральный характер или может даже быть точкой концентрации нежелательных и ограничивающих обязанностей. Например, Онг оригинально замечает, что китайские предприниматели, существующие в жестких рамках гражданского статуса КНР, в определенный момент нередко стремились или получить гражданство другой страны, чтобы снизить для себя последствия принадлежности к сво-

ему основному гражданству, или же снять с себя всяческие обязанности перед государством, ограничивающим свободу международной предпринимательской деятельности. Результатом такого «ухода» становилось «парадоксальное» увеличение объема сотрудничества предпринимателей — обладателей двойного гражданства с китайскими государственными компаниями (Ong, 1999).

Добавим еще, что, например, в 1990-х и 2000-х годах были такие временные промежутки, когда сам статус гражданина России был лишь «метафорой», тогда как на практике важна была именно регистрация на территории постсоветского пространства (Баньковская, 2006: 126). В этот период статус гражданства не был ценным в политическом смысле (Там же). Можно было бы даже сказать, что институт гражданства был настолько автономным, что в полной мере был дифференцирован от оснований солидарности. Более того, в этот же период, например, в Латвии, появилась существующая и по сей день категория «не-граждан», которым в один момент были открыты как европейские границы, так и границы России (Бузаев, 2007), что делало их в некотором смысле свободнее граждан этого государства. Принципиальным свойством такого контекста было то, что ценность гражданства актуализировалась не через статус гражданина, а через статус зарегистрированного/постоянно прописанного (Баньковская, 2023: 220-226). Это смещает акцент с прямой юридической связи между индивидом и государством на юридическую связь между конкретным местом, органами местной власти и индивидом, который не обязательно должен быть гражданином (Баньковская, 2023: 219-220).

Так, в описанных контекстах Китая и постсоветского пространства обнаруживается опора не столько на правовые аспекты гражданства (иначе говоря, принципы), сколько на «неформальные» и «практические» возможности субъектов, их отношения с сообществами. Перспектива социологии культуры как раз так и рассматривает гражданство, строго говоря, не в правовых, а в «практических» аспектах, где важны конкретные формы выстраивания символических и социальных границ (Lamont, Fournier, 1992), с опорой на анализ сообществ. «Гражданство» здесь является синонимом понятия «членство» (membership), метафорой, соотносящейся по форме с темой культурной инклюзии.

Два способа реализации культурного гражданства: права и культурные институты

Возвращаясь к вопросу о способах реализации культурного гражданства, отчетливо видно, что культуросоциологическая перспектива в целом занимает позицию, которую можно назвать онтологическим скептицизмом (Kusch, 2004) по отношению к гражданству в юридическом смысле. Она утверждает, что даже если у гражданина будут все возможные права — от гражданских и политических до водительских, гендерных и родительских (Hornberger, 1998; Richardson, 2017), то из этого факта не возникнут полноценная интеграция и состояние солидарно-

сти. Интеграционный потенциал опирается на индифферентность культурной системы к различиям (Galtung, 1969), а поэтому формальные права в конечном счете будут лишь оправдывать существующий порядок, то есть сами права на использование соответствующих практических умений останутся неиспользованными⁶ (Parsons, 1965). Таким образом, культуросоциологическая перспектива подводит к тому, что на практике культурное гражданство реализуется в рамках «третьих мест». В частности, это происходит в организациях, называемых культурными учреждениями, «культурными институциями»⁷ (Bennett, 1995, 2005; Dawson, 2019; Sandell, 2016; Stevenson, 2003).

«Политико-теоретическая» позиция не является столь «наивной» и однородной, как ее представляют некоторые теоретики культурного гражданства (например: Ong, 1996; Stevenson, 2010), и ее акцент на развитии правовых аспектов выдает в ней не столько ее узость, сколько «реалистичность»⁸. Более того, напоминая еще раз о проблеме «защиты» принимающей культуры и опасности мультикультурализма (Kumlicka, 2011), политико-теоретическая позиция справляется с ней продуктивнее. Благодаря государственно-правовому регулированию и выделению конститутивно необходимых и инструментально важных (но необязательно необходимых) прав и обязанностей, «доминирующая» культура оставляет для себя шанс полноценно включить в себя как минимум те «чужие» культурные образцы (и вместе с ними социальные категории), чья интеграция будет затрагивать лишь инструментально важные, но не конститутивные правовые аспекты⁹. Указанная выше «культуросоциологическая» позиция едва ли оставляет шанс защите доминирующей культуры, полагая, что ее существующие организационные и культурные структуры и без того окажутся «невидимым» барьером, тем самым оставаясь

6. Необходимость гарантии не только прав, но и их реализации (taking benefits) неоднократно проговаривалась Т. Парсонсом и Т.Х. Маршаллом (Parsons, 1965: 1038). Мы можем сказать, что в социологии культуры эта тема получила развитие в работах Б. Бернштейна (Bernstein, 2005) и П. Бурдьё (Бурдьё, Пассрон, 2007).

7. Такое экзотическое и нередко употребляемое слово является, по всей видимости, калькированным с английского «cultural institution». Несмотря на то что его уместнее было бы перевести как «культурный институт» по аналогии, например, с «total institution», переводимым как «тотальный институт», это привело бы к изменению его смысла. Таким образом, обратим внимание, что «культурная институция» в этом контексте употребляется синонимично понятию «культурное учреждение». В качестве примеров можно упомянуть музеи, галереи, библиотеки, выставочные залы, образовательные центры, арт-кластеры и т.п. В англоязычной литературе для таких организаций есть аббревиатура GLAM+.

8. Хотя это не значит, что критика со стороны культуросоциологической перспективы несостоятельна, поскольку вполне справедливо замечалось, что подобие гражданского общества, солидарности не следует из юридической гарантии прав и формальной выдачи паспорта гражданина. Тем не менее в некоторых условиях сам факт выдачи паспорта мог быть определенного рода *ритуалом перехода*, по своей значимости выходящим за рамки номинальной выдачи очередного документа (Фетисов, 2019: 357).

9. В Конституции Российской Федерации эта процедура отражена в определении глав, доступных для корректировки, и глав, не подлежащих изменению ни при каких условиях (в частности, 1, 2 и 9 главы).

лишь в шаге от эссенциалистского понимания гражданства и интеграции (Balibar, 1988; Butler, 1975).

Так или иначе, кратко описывая оба подхода, важно отметить, что, несмотря на то что они отличаются по ряду предпосылок понимания гражданства и солидарности, а также по средствам осуществления интеграции, оба они инспирированы возникшей в сфере исследований гражданства и гражданственности проблемой миграции и мультикультурализма (Isin, Turner, 2002). Заметим, однако, что миграция здесь понимается как сложное явление, где ее субъектом могут оказаться не только мобильные индивиды, но и мобильные границы: «...если не передвигаемся мы сами, чтобы стать мигрантами, перемещаются границы, можно оказаться «за границей», не двигаясь при этом с места» (Баньковская, 2023: 216). Учитывая такой парадокс («постсоветский парадокс гражданства», как его называет Баньковская¹⁰), происходит существенное усложнение принципов интеграции в рамках конкретного государства *hic et nunc*.

Субъектно-предикатный переворот культурного гражданства

При ближайшем рассмотрении двух описанных подходов (см. табл. № 1) их различие становится не столь фундаментальным, так как смыслы, подразумеваемые двумя перспективами культурного гражданства, соотносятся с разными уровнями анализа. Культурное гражданство в «политико-теоретическом» смысле корректнее назвать «культурным аспектом гражданства» в том смысле, что «гражданство» оказывается субъектом, а «культура» — его предикатом. Культурный аспект гражданства есть легитимированные государством права на репрезентацию интегрированных социальных категорий и возможность способов действия (Kumlicka, 2011; Rosaldo, 1994). Культурное гражданство в культурсоциологическом смысле, понимая гражданство как членство, скорее употребляется в значении гражданской черты культуры — то есть такой культуры, которая имеет инклюзивное свойство (Stevenson, 2003), способное, пользуясь выражением Зиммеля, предоставлять человеку *место* в социальной среде (Филиппов, 1994). В этом смысле уже культура — есть субъект, а «гражданство» — предикат.

Имеются основания полагать, что два подхода к пониманию культурного гражданства и средств его реализации не находятся в явном противоречии, поскольку атрибутированы разным типам явлений. Культурсоциологическая перспектива, как можно заметить, оказывается более широкой, чем политико-теоретическая, и выходит за рамки темы государства, прав, подчеркивая примат культуры и культуры-в-практике (в рамках сообществ) над формальными структурами государственного устройства. Это, как отмечает Г. Деланти, делает культурсоциологический подход более продуктивным для комплексного анализа гражданства, но оставляет очень много вопросов к конкретным деталям (Delanty,

10. А именно: «...не обязательно куда-то перемещаться... чтобы в одночасье стать “мигрантом” (если не “оккупантом”)...» (Баньковская, 2023: 218).

2002). Помимо решения вопроса о культурной инклюзии чужака, перед культурно-социологической перспективой встают также вопросы о защите исходной культурной вариации и способе нивелирования чрезмерно субстанциональных представлений о передаче культурных черт (Isin, Turner, 2002; Девятко, 2003). Также заметим, что обращение к культуре в целом представляет собой расширение концепции гражданства, которое совпадает с тенденцией обнаружения «многомерности» социальных явлений, а также усложнения и размытия таких понятий, как «инклюзия», «эксклюзия», «идентичность» (Телин, Филимонов, 2020; Филиппов, 2011; Silver, 1996; Lamont, 2002).

Таблица № 1.

Основные различия двух подходов к пониманию культурного гражданства

Критерий	Политико-теоретический подход	Культурсоциологический подход
Актуализирующие контексты	Контекст США, Великобритании, Австралии, Канады	Контекст постсоветских стран, Китая, Аргентины
Основа развития	Государство	Сообщество
Медиум интеграции	Культурные права (права на репрезентацию)	Гражданственность (связано с «локальным сообществом» и гражданским обществом)
Операционализация	(Организация) Правовые организации, партии, политические движения, public policy Правовая деятельность	(Организация) Культурные учреждения («институции»), GLAM+ Практики культурного производства
Принцип включения инаковости	Сверху вниз	Снизу вверх
Принцип порядка	Защита статик	Обоснование динамики
Условная дисциплинарная атрибуция	Политическая теория	Социология культуры
Политическая ценность статуса гражданина	Высокая	Низкая
Способ единения человеческих связей	Механический	Органический
Способ рождения «гражданства»	Эволюционный	Эпистемический
Метод определения точек развития	Остенсивный	Субъективационный/культурное трение
Категории среднего диапазона	Этничность, национальность, раса	Социальная категория
Потенциальное явление более высокого порядка	Культура гражданственности (civic culture)	Гражданское общество (civil society)

В ходе эволюции идеи культурного гражданства в политической теории, и несмотря на возможность решить возникающие здесь проблемы в рамках «культурсоциологической» перспективы, обнаруживается важное упущение правового подхода как инструмента интеграции. Состоит оно в следующем: по мере приращения новых граней гражданства (и соответствующих им прав) интенсивность социального исключения и негативной маргинализации для отдельных категорий общества все более возрастает, и вместе с этим связи между гражданами, обладающими всеми необходимыми правами, становятся все более механическими, а значит, куда менее солидарными. Не каждый гражданин сможет выдержать постоянно нарастающий темп появления предписаний обладания теми или иными правами: получается, что их «умножение» в определенный момент будет работать против «пассивных» граждан. Одним из свойств подобной «солидарности» гражданского общества является ее несовпадение (неконгруэнтность) с обладанием юридическими правами (Edwards, 2014; Alexander, 1997), представляющими собой производные от рационального и «механического» единения.

Правовой подход к определению культурного гражданства в контексте реализации его интегративных функций ведет к проблемам отбора требуемых для интеграции и соблюдения существующих порядков прав, а также ставит вопросы об эффективности внутреннего государственного устройства. В общем виде эта проблема сформулирована как дилемма демократии: наделение множества маленьких политических единиц парламентскими полномочиями позволяет государству проводить решения демократическим образом, но оставляет невозможным решение важных вопросов, требующих единогласия. Наделение же полномочиями большой политической единицы позволяет справляться с достижением важных и сложных целей, но ущемляет демократичность принятия решений (Dahl, 1994). Это не значит, что культурсоциологическая перспектива не сталкивается с данными проблемами. Как мы отметили выше, обе перспективы на деле сфокусированы на разном, хоть и пользуются одинаковыми понятиями. Однако социология культуры позволяет фреймировать проблему интеграции (и, в частности, инклюзии) в иной форме. Добавим, что дилемму демократии в культурсоциологическом взгляде на проблему культурного гражданства получается «обойти» в силу невнимания к целостности исходной культурной вариации и при помощи введения парадоксального инклюзивного требования, которое можно представить в следующей форме: X (целостная культурная вариация) = X (исходная культурная вариация) + Y (инаковые черты).

В таком случае субстанционально представляемая солидарность при радикальном воплощении инклюзии инаковых черт (благодаря организационным структурам культурных учреждений) должна сохранять целостность сообщества, несмотря на культурные изменения, привнесенные инаковыми чертами. Причем сам механизм сохранения целостности сообщества соотносится с таким

явлением, как коммуникация (Хабермас, 2001; Delanty, 2002). В культурсоциологическом смысле фундаментальная проблема целостности сообщества с точки зрения развития культурного гражданства заключается в том, что для преодоления *status quo* «чужака» требуется «перерождение» сообщества с натурализацией культурных черт, бывших ранее инаковыми. Более того, рассмотрение культурного гражданства как процесса проблематизирует границы события интеграции, так как в заявлении на «получение» культурного гражданства его свойства принимают форму состояния, что входит в противоречие с культурсоциологической позицией (Ong, 1996; Stevenson, 2010). Остается также вопрос о приемлемости инклюзии в контексте «перерождения» сообщества, поскольку за перерождением исходного сообщества следует и перерождение идентичности интегрируемого, а это значит, что жизненные шансы его прежней идентичности окажутся под вопросом¹¹.

Культурное гражданство и культура гражданственности

Итак, культурное гражданство было рассмотрено в двух перспективах: как культурный аспект гражданства (политико-теоретический взгляд) и как гражданственность культуры (культурсоциологический взгляд). Формулировка второго значения, заметим, может вводить в заблуждение из-за близости к другому важному понятию, введенному Габриелем Алмондом и Сидни Вербой, — «культура гражданственности» (*civic culture*)¹² (у данного понятия в русском языке есть и другой перевод: «гражданская культура» (Алмонд, Верба, 1992)). Более того, культурное гражданство и культура гражданственности по своему устройству также напоминают «отражения» друг друга¹³.

Культура гражданственности является свойством политической культуры, относящейся к политической системе общества, характеризующегося (со)участием (*participation*) индивидов, доверием друг к другу, включенностью в политические сообщества и высокой демократичностью социальных институтов (Almond, Verba, 1963). Алмонд и Верба прямо продолжают теоретико-методологический проект Парсонса, ставя перед собой задачу определить условия существования демократии в современных государствах. Важно заметить, что культура гражданственно-

11. Такой ход событий нельзя считать уничтожением идентичности, поскольку идентичность будет существовать у других представителей соответствующей символической общности, но в нормативном ключе такое явление можно назвать «апроприацией», продуктом системной власти (Domhoff, 2017), а также культурным насилием (Galtung, 1969). Кроме того, оправдание такого положения будет отсылать к позиции философского либерализма, перекладывающей ответственность за сохранение идентичности на ее обладателя, что вступает в противоречие со стартовым коммунитарным (и частично республиканским) сентиментом обсуждаемой парадигмы гражданства.

12. Здесь мы используем перевод, соответствующий употребляемому в других научных русскоязычных статьях.

13. По такому принципу можно сформулировать две пары понятий: культурное гражданство/культурная гражданственность, культура гражданственности /гражданская культура.

сти, подобно аспектам гражданства у Маршалла, является условием, для достижения которого гражданам требуется пройти определенное развитие: прихожанин (parochial), подданный (subject), участник (participant) (Almond, Verba, 1963: 17-20). Культура в политико-теоретическом смысле оказывается здесь необходимым аспектом гражданства, позволяющим из неполноценных граждан, интегрированных лишь в демократические правовые регламенты (policy), сделать полноценных участников, а значит, и носителей определенной политической и гражданской культуры. Культурное гражданство в культурсоциологическом смысле входит в некоторое противоречие с культурой гражданственности, так как не разделяет эволюционистского и в некотором смысле колониального сентимента, позволяющего измерять по шкале от низшего к высшему уровень данной культуры и, соответственно, демократичности.

Как таковое «культурное гражданство» (обоих видов) не в полной мере встраивается в теорию культуры гражданственности, поскольку последняя аналитически представляется универсальной структурой, достижение которой гарантирует равноправие, политическое участие (participation) и демократию (Almond, Verba, 1963). Культурное гражданство подразумевает право на репрезентацию и инклюзию культурных различий, тогда как культура гражданственности требует преданного (allegiant) следования конкретно выделенным универсальным культурным чертам, обеспечивающим демократическую культуру. Надо заметить, что в такой же универсальной форме определяет мультикультурализм в своих более поздних работах и Ю. Хабермас (Habermas, 1995). В процессе дальнейших пересмотров теории культурного гражданства (Dalton, Welzel, 2014) отмечаются сдвиги и в культуре гражданственности, подразумевающие защиту своей идентичности (и формулировку соответствующих прав), а также развитие данной культуры в глобальном и массовом контексте (Street, 1994). При учете соответствующих видоизменений культурное гражданство в политико-теоретическом значении является, с одной стороны, «виновником» соответствующих изменений, а с другой стороны, дополнительным условием построения культуры гражданственности.

Культурное гражданство в культурсоциологическом смысле, «нацеленном» не столько на развитие политического участия и демократии (хотя и ориентирующимся на них тоже), сколько на обнаружение способа солидаризации и создания органического единения, отходит от поиска универсальных правил и формулировки юридических прав. В этом ключе культурное гражданство является процессом, необходимым для развития гражданского общества в социологическом смысле (Alexander, 1997; Edwards, 2014). Причем гражданское общество представляется здесь оптимальным демократическим распределением власти, позволяющим «работать» с соответствующим уровнем культурной гегемонии (подробнее см.: Gaventa, 2011).

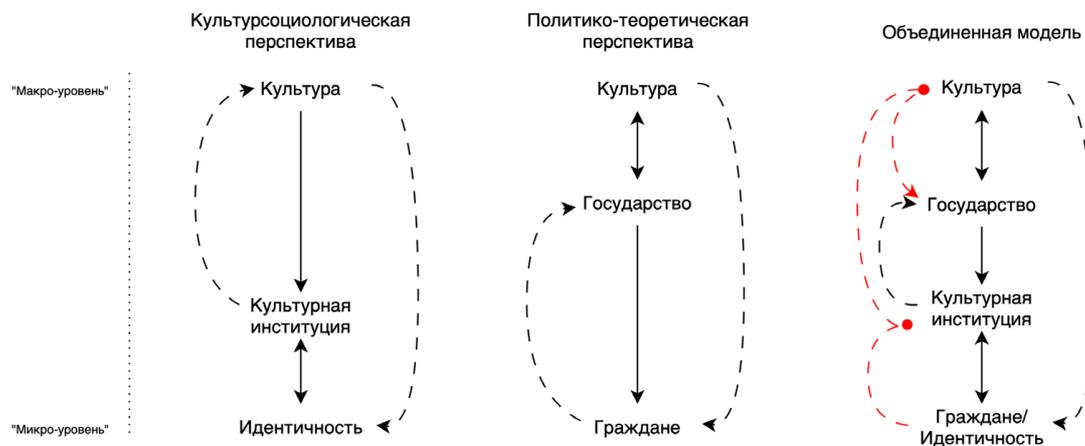

Рис. № 1. Иерархические схемы вариативных влияний в рамках разных перспектив культурного гражданства¹⁴.

Медиум инклюзии: культурная институция как конкретный пример реализации культурного гражданства (вместо заключения)

Обосновав основания политико-теоретического и культурсоциологического подходов аналитически, необходимо представить их на организационном уровне, поскольку как решения государственной политики реализуются благодаря структурам конкретных учреждений, так и интересы сообществ реализуются благодаря самоорганизации или же при формальной институциональной поддержке. Более того, для обеих перспектив включенность индивидов в конкретные организации (иначе невозможно быть встроенным в механизмы интеграции и защищать свои интересы) является важным (хотя и не исчерпывающим) фактором солидарности (Alexander, 1997; Kymlicka, 2011; Rosaldo, 1994; Stevenson, 2010). Политико-теоретическое определение культурного гражданства в таком случае описывает принципы, по которым происходит взаимодействие между организацией и государством (и далее — системой культуры). Культурсоциологическое определяется на принципах, по которым происходит взаимовлияние идентичностей, сообществ и культурных институций. Политико-теоретическая конструкция, будучи статичной, составляет ограничивающую среду для динамической культурсоциологической; обе конструкции одновременно с этим находятся под влиянием системы культуры как среды высшего порядка. В таком понимании культурное гражданство не требует дисциплинарного разделения, поскольку обе перспективы могут быть комплементарными.

Более того, в процессе сосредоточения внимания предмета культурного гражданства на принципах работы формальных организаций сама его теоретическая

14. Стрелка обозначает направление влияния. Непрерывная линия — прямое влияние. Пунктирная линия — косвенное. Красная линия — гипотетическое устройства процесса культурного гражданства.

конструкция приобретает форму гипотезы для эмпирических исследований (см. рис. 1). Дело в том, что предметом исследований культурного гражданства является, кратко говоря, преодоление (в нормативной перспективе) и анализ (в позитивистской перспективе) культурных различий в процессе интеграции представителей иных культур; однако культурное гражданство не предоставляет готового ответа, но лишь гипотетические формулы того, как могут решаться описанные ранее сложности интеграции. Культурное гражданство — именно способ социологического видения, но не решение социальной, нормативно нагруженной проблемы. Культурное гражданство в общем виде — процесс инклюзии инаковых культурных черт интегрируемых социальных категорий, сопровождающийся встраиванием соответствующих черт в организационные структуры агентов культурного производства принимающей культурной вариации.

Культурные институции (то же, что организации и учреждения) понимаются здесь как пространства построения культурного гражданства (Bennett, 2005; Dawson, 2019; Pruulmann-Vengerfeldt, Runnel, 2018; Sandell, 2003; DiMaggio, 1992). Это места концентрации культурного производства (Haugaard, 2012, 2021; Lukes, 2005). Властные агенты в рамках подобных институций способны осуществлять два типа воздействия, которые П. Бакрак и М. Баратц назвали «организационным включением» (“organize-in”) и «организационным исключением» (“organize-out”) (Bachrach, Baratz, 1962) тех или иных требований или репрезентаций. Каждая из способностей служит практическим интересам властного агента или доминирующей культурной вариации и распространяет свое влияние на уровень культуры, предъявляет требования к нарративам и репрезентациям.

Перспектива культурного гражданства в рамках его реализации в культурных институциях продуктивно дополняется идеей структуры «выставочного комплекса»¹⁵ (exhibitionary complex) Т. Беннетта (Bennett, 2004), поскольку культурное гражданство, выстраиваемое через публичные репрезентации, обнаруживает себя в том, как выстраиваются критерии допуска тех или иных образов к структурам выставочного комплекса. Например, следствием формулировки таких критериев может быть официально утвержденный набор книг в библиотеках или книжных магазинах, а также, например, деятельность краеведческих музеев, репрезентирующая канонические черты местной идентичности (Gavrilova, 2022; Максимова, 2017; Степанов, 2014). В результате формируется механизм включения организационно закрепленных и потенциально инаковых черт на уровне государства и культуры. Заметим: деятельности выставочных пространств и музеев, в частности, придается особое значение в развитии культурного гражданства (Pruulmann-Vengerfeldt, Runnel, 2018; Dahlgren, Hermes, 2013; Kangas, Vestheim, 2010). Музеи

15. Понятие, заимствованное из области музейно-выставочной практики, которое было транспонировано на уровень исследований государственной политики; оно описывает процесс, в котором соединены явные и неявные инструменты допуска тех или иных произведений, вписываемых в структуру кураторского проекта выставки, который в своей финальной форме является единым и «репрезентативным» комплексом экспонатов. Ярким художественным и подчас буквальным примером использования такой логики является эссе А. Монастырского «ВДНХ — столица мира».

оказываются пространствами между «элитарной» и «популярной» культурами (Dahlgren, Hermes, 2013; Sandell, 2003), между государственным контролем и интересами сообществ (Bennett, 2004; Pruulmann-Vengerfeldt, Runnel, 2018). Музеи выстраивают «горизонты», с ориентиром на которые формируется культурное гражданство (и культура гражданственности в целом); принципиальная важность придается им по той причине, что они оказываются одной из сред «повседневных практик», где может «тренироваться» участие (*participation*), воспроизводиться формат членства (*membership*) и взаимовлияния (Dahlgren, Hermes, 2013). Заметим, что если линия между сообществом и организацией не оказывается двусторонней, то культурная институция превращается в место воспроизводства доминирующей культуры или в «убежище», т. е. гетто, для «чужих», но не в место инклюзии иной идентичности.

Акт инклюзии (*inclusion*), которым «оперирует» культурная институция, заключается в возможности обладать равным с другими участниками правом на членство в сообществе, стоящем за культурной институцией, открыто предъявляя черты собственной инаковости. Возможность предъявить свою инаковость — основополагающий критерий инклюзии, отличающий его от ассимиляции (Parsons, 1965). Участие подразумевает разделение, во-первых, культурных ценностей всего общества, а во-вторых, его интересов. Инклюзия предполагает возможность равноправного участия в символически значимых событиях (Stichweh, 2002) и в производстве их репрезентации (Alexander, 2006). Более того, реализация включения тем ценнее и эффективнее, чем выше вероятность быть исключенным (Stichweh, 2002). Поэтому построение культурного гражданства не может основываться на положениях космополитизма, отстаиваемых Н. Стивенсоном и другими авторами (Stevenson, 2003; Miller, 2006), в том числе и по причине возникновения проблемы защиты исходной культурной вариации. Идея инклюзии подразумевает возможность воспроизводить значимые черты своей идентичности в рамках репрезентации символически значимого события на равных условиях с другими участниками. Символически значимые события, о которых мы говорим, — это коллективные действия, чья символическая значимость определяется изучением конкретного культурного контекста, где обнаруживаются непосредственные критерии включения и исключения (Parsons, 1965: 1051), — в этом смысле культурное гражданство требует эмпирически фундированных исследований.

Учитывая цель инклюзии инаковых культурных черт, перед средой, создаваемой культурной институцией, встают две проблемы, не имеющие однозначного решения. Первая проблема связана с тем, как и кто должен инициировать предъявление инаковых черт миноритарных групп. Проблему можно решить, если мы примем позицию, что стремление защищать свою идентичность — это универсальная «патриотическая» установка, присущая представителям любых культур, однако эта же прескрипция является и репрессивным требованием. По всей видимости, наиболее адекватным решением является «инклюзивное бездействие» институции (в нейтрально либеральных тонах), поскольку это позволяет работать

над включением как минимум элементов культур тех социальных категорий, для которых это (включение и репрезентация) конститутивно важно (Sen, 2000). Нетронутыми остаются, наверное, наиболее сложные социальные категории — те, которые вследствие «системного насилия»/власти символического насилия (Бурдье, 2007) не выражают своего притязания, однако решение этой проблемы требует отдельного внимания.

Вторая проблема, как мы уже ранее писали, заключается в преодолении *status quo ante* «чужака», обладающего при всех прочих темпоральным аспектом (Баньковская, 2020). Институтация и доминирующее сообщество исходят из опыта существования без «нового элемента». Следовательно, чужак, включаясь в новое сообщество, останется чужаком, пока оно не «переродится» в новое, то есть не станет «другим сообществом», включающим его новые ценности и интересы. Гипотетически данная задача может быть решена с опорой на ритуалы перехода, создающие лиминальную ситуацию, когда ценности сообщества и чужака оказываются в состоянии взаимопроникновения (Тэрнер, 1983). Так или иначе, сам процесс фиксации инаковости и взаимовлияния «культуры» и индивида, описываемый в сложном intersubjectивном «культурном процессе» (Lamont et al., 2014), остается туманным и требующим опоры на эмпирические исследования.

Литература

- Александр Дж., Куракин Д. Ю. (2012). Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. № 3. С. 5-40.
- Альтюссер Л. (2011). Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. Т. 77. № 3. С. 14-58.
- Алмонд Г., Верба С. (1992). Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. № 4. С. 32-43.
- Бабаян И. В., Ярская В. Н. (2013). Культурное гражданство детей из семей мигрантов: потенциал и ограничения школьной интеграции // Журнал исследований социальной политики. Т. 11. № 2. С. 251-256.
- Баньковская С. П. (2006). Миграция, свобода и гражданство: парадоксы маргинализации // Полис. № 4. С. 120-126.
- Баньковская С. П. (2007). Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. Т. 6. № 1. С. 75-87.
- Баньковская С. П. (2020). Темпоральная феноменология инаковости у А. Шюца // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 20. № 2. С. 212-225.
- Баньковская С. П. (2023). Чужаки и границы: Исследование по социологии маргинальности. СПб.: Владимир Даль.
- Бузаев В. (2007). Неграждане Латвии. URL: http://www.lhrc.lv/biblioteka/Negrazhdane_Latvii.pdf (дата доступа: 26.08.2023).
- Бурдье П. (2001). Практический смысл. СПб.: Алетейя.

- Бурдые П. (2007). Социология социального пространства. М.-СПб.: Алетейя.
- Бурдые П., Пассрон Ж.-К. (2007). Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение.
- Гоббс Т. (1989). Томас Гоббс. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Мысль.
- Дарендорф Р. (2002). Тропы из утопии. М.: Праксис.
- Девятко И. Ф. (2003). Социология с практической точки зрения: к критике современных теорий практики // Новое и старое в теоретической социологии. М.: Изд-во Института социологии РАН. С. 61-80.
- Дюркгейм Э. (1996). О разделении общественного труда. М.: Канон.
- Зиммель Г. (2002). Большие города и духовная жизнь // Логос. Т. 34. № 3. С. 1-12.
- Кисленко И. Ю. (2020). О роли понятий «глобальный Север-Юг» в глобальной социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13. № 2. С. 116-128.
- Максимова А. С. (2017). «Вторая память» в малых городах: типы краеведческой нейтральности и развитие локальной истории // Историческая экспертиза. № 3. С. 76-80.
- Мосс М. (2011). Общества. Обмен. Личность. М.: Книжный дом Университет.
- Степанов Б. Е. (2014). «Держаться корней»: старожилы и краеведы Царицыно в новом веке // Царицыно: аттракцион с историей / Н. В. Самутина, Б. Е. Степанов (ред.). М.: НЛЮ. С. 366-397.
- Телин К. О., Филимонов К. Г. (2020). Пробелы идентичности: как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 35-73.
- Фетисов М. С. (2019). От «учета, разгрузки, очистки» к праву гражданства: антропология советского паспорта // Социологическое обозрение. Т. 18. № 3. С. 345-358.
- Филиппов А. Ф. (1994). Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Г. Зиммеля // Социологический журнал. № 2. С. 65-81.
- Филиппов А. Ф. (2023). Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения // Россия в глобальной политике. Т. 21. № 1. С. 51-70.
- Хабермас Ю. (1993). Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. Вып. 2. С. 123-136.
- Хабермас Ю. (2001). Вовлечение другого // Очерки политической теории. СПб.: Наука.
- Шюц А. (2004) Чужак: социально-психологический очерк // Шюц А. Мир, священный смыслом / Пер. В. Г. Николаева. М.: РОССПЭН. С. 533-549
- Ярская-Смирнова Е. Р. (1997). Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: Издательство СГТУ.
- Alexander J. C. (1997). The paradoxes of civil society // International Sociology. Vol. 12. № 2. P. 115-133.
- Alexander J. C. (2006). The meanings of social life: A cultural sociology. Oxford University Press.
- Almond G. A., Verba S. (1963). The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. Princeton: Princeton university press.

- Bachrach P., Baratz M. S.* (1962). Two faces of power // *The American Political Science Review*. Vol. 56. № 4. P. 947-952.
- Balibar E.* (1988). Propositions on citizenship // *Ethics*. Vol. 98. № 4. P. 723-730.
- Balibar E.* (2005). Difference, Otherness, Exclusion // *Parallax*. Vol. 11. № 1. P. 19-34.
- Beaman J.* (2016). Citizenship as Cultural: Towards a Theory of Cultural Citizenship // *Sociology Compass*. Vol. 10. № 10. P. 849-857.
- Bennett T.* (1995). *The Birth of the Museum. History, theory, politics*. London and New York: Routledge.
- Bennett T.* (2004). The exhibitionary complex // *Grasping the World* / D. Preziosi, C. Farago (ed.). London: Routledge. P. 413-441.
- Bennett T.* (2005). Civic Laboratories: Museums, cultural objecthood and the governance of the social // *Cultural Studies*. Vol. 19. № 5. P. 521-547.
- Bernstein B.* (2005). *Theoretical studies towards a sociology of language*. London: Routledge.
- Buikema R., Buyse A., Robben A. C.G. M.* (eds.). (2020). *Cultures, Citizenship and Human Rights*. New York: Taylor & Francis Group.
- Bourdieu p.* (1991). *Language and Symbolic Power*. Oxford: Polity Press.
- Brubaker R.* (2015). *Grounds for Difference*. Cambridge: Harvard University Press.
- Butler J.* (1975). Of personal identity // *Personal identity* / J. Perry (ed.). Oakland: University California Press. P. 99-105.
- Dahl R. A.* (1994). A democratic dilemma: system effectiveness versus citizen participation // *Political science quarterly*. Vol. 109. № 1. P. 23-34.
- Dahlgren P., Hermes J.* (2013). The democratic horizons of the museum: Citizenship and culture // *The international handbooks of museum studies* / A. Whitcomb, K. Message (eds). Maldon: Wiley Blackwell. P. 117-138.
- Dalton J., Welzel C.* (eds.). (2014). *The civic culture transformed: From allegiant to assertive citizens*. Cambridge University Press.)
- Dawson E.* (2019). *Equity, Exclusion and Everyday Science Learning*. London: Routledge.
- Delanty G.* (2002a). Two Conceptions of Cultural Citizenship: A Review of Recent Literature on Culture and Citizenship // *The Global Review of Ethnopolitics*. № 1. P. 60-66.
- Delanty G.* (2002b). Communitarianism and citizenship // *Handbook of citizenship studies* / E. F. Isin, B. S. Turner (eds). London: Sage. P. 159-174.
- DiMaggio P.* (1992). Cultural boundaries and structural change: the extension of the high culture model to theater, opera, and the dance, 1900-1940 // *Cultivating differences: Symbolic boundaries and the making of inequality* / M. Lamont, M. Fournier (ed.). Chicago, Illinois: University of Chicago Press. P. 21-57.
- Domhoff G. W.* (ed.). (2017). *The power elite and the state*. London: Routledge.
- Du Bois W.E.B.* (1996). *The souls of black folk*. London: Penguin Classics.
- Edwards M.* (2014). *Civil Society*. Cambridge- Malden: Polity Press.
- Galtung J.* (1967). *Theories of Peace A Synthetic Approach to Peace Thinking*. Oslo: International Peace Research Institute.

- Galtung J.* (2016). Cultural Violence // *Journal of Peace Research*. Vol. 27. № 3. P. 291–305.
- Gaventa J.* (2019). Applying power analysis: using the ‘powercube’ to explore forms, levels and spaces // *Power, Empowerment and Social Change* / R. McGee, J. Pettit (eds.). London: Routledge. P. 117–138.
- Gavrilova S.* (2023). Russia’s Regional Museums // *Representing and Misrepresenting Knowledge About Nature, History, and Society*. London-New York. Routledge: Taylor & Francis Group.
- Goffman A.* (2014). *On the run. Fugitive Life in an American City*. Chicago: University of Chicago Press.
- Habermas J.* (1995). Address: multiculturalism and the liberal state // *Stanford Law Review*. P. 849–853.
- Habermas J.* (2001). *The inclusion of the other: Studies in political theory*. SPb.: Nauka.
- Haugaard M.* (2012). Rethinking the four dimensions of power: Domination and empowerment // *Journal of Political Power*. Vol. 5. № 1. P. 33–54.
- Haugaard M.* (2021). The four dimensions of power: conflict and democracy // *Journal of Political Power*. Vol. 14. № 1. P. 153–175.
- Hornberger N. H.* (1998). Language policy, language education, language rights: Indigenous, immigrant, and international perspectives // *Language in society*. Vol. 27. № 4. P. 439–458.
- Isin E. F., Turner B. S.* (2002). Citizenship studies: An Introduction // *Handbook of Citizenship Studies* / E. F. Isin, B. S. Turner (eds.). London: Sage. P. 1–340.
- Janoski T., Gran B.* (2002). Political citizenship: Foundations of rights // *Handbook of citizenship studies* / E. F. Isin, B. S. Turner (eds.). London: Sage. P. 13–52.
- Kangas A., Vestheim G.* (2010). Institutionalism, cultural institutions and cultural policy in the Nordic countries // *Nordisk kulturpolitisk tidsskrift*. Vol. 13. № 2. P. 267–284.
- Keane W.* (2018). On Semiotic Ideology // *Signs and Society*. Vol. 6. № 1. P. 64–86.
- Kislenko I.* (2021). Debates on Global Sociology: ‘Unity and Diversity’ of Interpretations // *The American Sociologist*. Vol. 52. № 3. P. 579–590.
- Kusch M.* (2004). Rule-scepticism and the sociology of scientific knowledge: The Bloor-Lynch debate revisited // *Social Studies of Science*. Vol. 34. № 4. P. 571–591.
- Kymlicka W.* (2011). Transitional justice, federalism, and the accommodation of minority nationalism // *Ethnicities*. Vol. 11. № 3. P. 281–302.
- Kymlicka W., Norman W.* (2000). *Citizenship in Diverse Society*. Oxford: Oxford University Press.
- Lamont M., Beljean S., Clair M.* (2014). What is missing? Cultural processes and causal pathways to inequality // *Socio-Economic Review*. Vol. 12. № 3. P. 573–608.
- Lamont M., Fournier M.* (1992). Introduction // *Cultivating Differences* / M. Lamont, M. Fournier (eds.). Chicago, Illinois: University of Chicago Press. P. 3–12
- Lamont M., Molnár V.* (2002). The study of boundaries in the social sciences // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. P. 167–195.
- Lukes S.* (2005). *Power: A Radical View*. New York: Palgrave Macmillan.

- Marshall T. H.* (1950). *Citizenship and social class* // *Marshall T. H. Citizenship and social class, and other essays*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1-85.
- Marshall T. H.* (1964). *Class, citizenship and social development*. New York: Doubleday & Company.
- Mirzoeff N.* (2020). Persistent looking in the space of appearance #BlackLivesMatter // *Cultures, Citizenship and Human Rights* / R. Buikema, A. Buyse, A. C.G.M. Robben (eds.). New York: Taylor & Francis Group. P. 11-30.
- Ong A., Dominguez V.R., Friedman J., Schiller N. G., Stolcke V., Wu D. Y.H., Ying H.* (1996). *Cultural Citizenship as Subject-Making* // *Current Anthropology*. Vol. 37. № 5. P. 737-762.
- Ong A.* (1999). *Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality*. Durham: Duke University Press.
- Parsons T.* (1965). Full Citizenship for the Negro American? A Sociological Problem // *Daedalus*. Vol. 94. № 4. P. 1009-1054.
- Pruulmann-Vengerfeldt P., Runnel p.* (2018). The museum as an arena for cultural citizenship: Exploring modes of engagement for audience empowerment // *The Routledge Handbook of Museums, Media and Communication* / K. Drotner, V. Dziekan, R. Parry, K.C. Schröder (eds.). London: Routledge. P. 143-158.
- Rawls J.* (1963). *Constitutional Liberty and the Concept of Justice* // *Nomos VI: Justice* / C. J. Friedrich, J. W. Chapman (eds.). New York: Sutton Books.
- Richardson D.* (2017). Rethinking sexual citizenship // *Sociology*. Vol. 51. № 2. P. 208-224.
- Rojek C., Turner B. S.* (2001). *Society and Culture*. London: Sage.
- Rorty R.* (1999). *Philosophy and social hope*. Penguin UK. P. 252-255.
- Rosaldo R.* (1994). *Cultural Citizenship and Educational Democracy* // *Cultural Anthropology*. Vol. 9. № 3. P. 402-411.
- Sandell R.* (2003). Social inclusion, the museum and the dynamics of sectoral change // *Museum and Society*. Vol. 1. № 1. P. 45-62.
- Sandell R.* (2016). *Museums, moralities and human rights*. London: Routledge.
- Sen A.* (2000). *Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny*. Manila: Office of Environment and Social Development. Asian Development Bank. URL: <https://gsdrc.org/document-library/social-exclusion-concept-application-and-scrutiny/> (Дата доступа: 17.04.2023).
- Silver H.* (1994). Exclusion-parradigms // *International Labour Review*. Vol. 133. Iss. 5-6. P. 531-578.
- Silver H.* (2012). The Process of Social Exclusion: The Dynamics of an Evolving Concept // *SSRN Electronic Journal*. October. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1087789 (дата доступа 14.04.2023).
- Stevenson N.* (2003). *Cultural Citizenship in the 'Cultural' Society: A Cosmopolitan Approach* // *Citizenship Studies*. Vol. 7. № 3. P. 331-348.
- Stevenson N.* (2010). *Cultural citizenship, education and democracy: Redefining the good society* // *Citizenship Studies*. Vol. 14. № 3. P. 275-291.
- Stevenson N.* (2020). *Cultural citizenship* // *The Transformation of the Media*. Vol. 2. № 3. P. 59-91.

Stichweh R. (2002). Strangers, Inclusions, and Identities // *Soziale Systeme*. Vol. 8. № 1. P. 101–109.

Street J. (1994). Political culture—From civic culture to mass culture // *British Journal of Political Science*. Vol.24. № 1. P. 95–113.

Taylor C. (1994). *Multiculturalism: Examining the politics of recognition*. Princeton: Princeton University Press

Cultural Citizenship: Definitions and Empirical Contextualization

Danila V. Ivanov

Research Intern at the International Laboratory for Social Integration Research

HSE University

Address: Myasnitskaya, 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: d.ivanov@hse.ru

Tatiana A. Vlasova

PhD in Philosophy, Senior Researcher at the International Laboratory for Social Integration Research

HSE University

Address: Myasnitskaya, 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: tavlasova@hse.ru

Roman N. Abramov

Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences, Leading

Researcher at the International Laboratory for Social Integration Research HSE University

Address: Myasnitskaya, 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: rabramov@hse.ru

The article develops an approach to the conceptualization of “cultural citizenship”, which is used to describe the issues of overcoming cultural differences in the process of integration and social inclusion. Cultural citizenship is one of the concepts that develop the paradigms of citizenship and civic consciousness that exist in the tradition of political theory and sociology of culture. The purpose of the article is to develop a sociological approach to “cultural citizenship”, based on such existing family concepts as citizenship (membership), solidarity, identity. The first part of the article compares the legal and sociological interpretations of citizenship and their relationship with the cultural aspect of citizenship. In the second part, based on this comparison, the subject and central problems of cultural citizenship in the social sciences are formulated. In the third part, two approaches to the definition of cultural citizenship are analyzed. The first approach leans towards political theory and defines the state as a source of citizenship, focusing on legal instruments of integration. The second leans towards cultural sociology and defines community as a source of citizenship, focusing on integrative practices of cultural production. The analysis of the two approaches in the final part actualizes the empirical study of cultural citizenship as a process implemented at the organizational level. Cultural citizenship, in this vein, is defined as the process of two-sided inclusion of ‘strange’ and ‘different’ cultural traits of dominant and minoritarian social category with respect to the integrity of the dominant cultural variation. The main operationalization of the organizational level finds itself in “cultural institutions” (e.g., exposition halls, museums, libraries, etc.) that are supposed to play a key role in the cultural citizenship process.

Keywords: cultural citizenship, solidarity, cultural institutions, organization, cultural difference, inclusion

References

- Alexander J. C. (1997) The paradoxes of civil society. *International Sociology*, vol.12, no 2, pp. 115-133.
- Alexander J. C. (2006) *The meanings of social life: A cultural sociology*, Oxford University Press.
- Alexander J., Kurakin D. Ju. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sociological Journal*, no 3, pp. 5-40.
- Almond G. A., Verba S. (1963) *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*, Princeton: Princeton university press.
- Almond G., Verba S. (1992) Civic Culture and the Stability of Democracy. *Polis*, no 4, pp. 32-43.
- Althusser L. (2011) Ideology and Ideological State Apparatuses (Research Notes). *Neprikosnovenny zapas*, no 3(77), pp. 14-58. (In Russian)
- Babajan I.V., Jarskaja V.N. (2013) Kul'turnoe grazhdanstvo detej iz semej migrantov: potencial i ogranichenija shkol'noj integracii [Cultural citizenship of children from migrant families: the potential and limitations of school integration]. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 11, no 2, pp. 251-256.
- Bachrach P., Baratz M. S. (1962) Two faces of power. *The American Political Science Review*, vol. 56, no 4, pp. 947-952.
- Balibar E. (1988) Propositions on citizenship. *Ethics*, vol. 98, no 4, pp. 723-730.
- Balibar E. (2005) Difference, Otherness, Exclusion. *Parallax*, vol. 11, no 1, pp. 19-34.
- Bankovskaya S.P. (2006) Migracija, svoboda i grazhdanstvo: paradoksy marginalizacii [Migration, Freedom and Citizenship: paradoxes of marginalization]. *Polis*, no 4, pp. 120-126.
- Bankovskaya S.P. (2023) *Chuzhaki i granitsy: Issledovaniye po sotsiologii marginal'nosti* [Strangers and Borders: A Study in the Sociology of Marginality], Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'.
- Bankovskaya S.P. (2007) Drugoj kak jelementarnoe ponjatie social'noj ontologii [Other as an elementary concept of social ontology]. *Russian Sociological Review*, vol. 6, no 1, pp. 75-87.
- Bankovskaya S.P. (2020) Temporal'naja fenomenologija inakosti u A.Shjuca [A. Schütz's Temporal Phenomenology of Otherness]. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia: Sociology*, vol. 20, no 2, pp. 212-225.
- Beaman J. (2016) Citizenship as Cultural: Towards a Theory of Cultural Citizenship. *Sociology Compass*, vol. 10, no 10, pp. 849–857.
- Bennet T. (1995) *The Birth of the Museum. History, theory, politics*, London and New York: Routledge.
- Bennett T. (2004) The exhibitionary complex. *Grasping the World* (eds. D. Preziosi, C. Farago), London: Routledge, pp. 413-441.
- Bennett T. (2005) Civic Laboratories: Museums, cultural objecthood and the governance of the social. *Cultural Studies*, vol. 19, no 5, pp. 521–547.
- Bernstein B. (2005) *Theoretical studies towards a sociology of language*, London: Routledge.
- Buikema R., Buyse A., Robben A. C.G. M. (eds.) (2020) *Cultures, Citizenship and Human Rights*, New York: Taylor & Francis Group.
- Bourdieu p. (1991) *Language and Symbolic Power*, Oxford: Polity Press.
- Bourdieu p. (2001) *Prakticheskij smysl* [Practical sense], Moscow: Aletejja.
- Bourdieu p. (2007) *Sociologija social'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space], Moscow-Saint-Peterburg: Aletejja.
- Bourdieu P., Passeron J.-K. (2007) *Vosproizvodstvo: jelementy teorii sistemy obrazovanija* [Reproduction: theoretical elements in Education system], Moscow: Prosveshhenie.
- Brubaker R. (2015) *Grounds for Difference*, Cambridge: Harvard University Press.
- Butler J. (1975) Of personal identity. *Personal identity* (ed. J. Perry), Oakland: University California Press, pp. 99-105.
- Buzaev V. (2007) Negrazhdane Latvii [Non-citizens of Latvia]. Available at http://www.lhrc.lv/biblioteka/Negrazhdane_Latvii.pdf. (accessed 26.08.2023)

- Dalton J., Welzel C. (eds.). (2014) *The civic culture transformed: From allegiant to assertive citizens*, Cambridge University Press.)
- Darendorf R. (2002). *Tropy iz utopii* [Paths of Utopia], Moscow: Praxis.
- Dawson E. (2019) *Equity, Exclusion and Everyday Science Learning*, London: Routledge.
- Delanty G. (2002a) Two Conceptions of Cultural Citizenship: A Review of Recent Literature on Culture and Citizenship. *The Global Review of Ethnopolitics*, no 1, pp. 60-66.
- Delanty G. (2002b) Communitarianism and citizenship. *Handbook of citizenship studies* (E. F. Isin, B. S. Turner eds), London: Sage, pp. 159-174.
- Devjatko I. F. (2003) Sociologija s praktičeskoj točki zrenija: k kritike sovremennyh teorij praktiki [Sociology from a Practical Point of View: a Critique of Modern Theories of Practice]. *New and old in theoretical sociology*, Moscow: Institut sociologii of RAS, pp. 61-80.
- DiMaggio P. (1992) Cultural boundaries and structural change: the extension of the high culture model to theater, opera, and the dance, 1900-1940. *Cultivating differences: Symbolic boundaries and the making of inequality* (eds. M. Lamont, M. Fournier), Chicago, Illinois: University of Chicago Press, pp. 21-57.
- Domhoff G. W. (eds.) (2017) *The power elite and the state*, London: Routledge.
- Du Bois W. E. B. (1996) *The souls of black folk*, London: Penguin Classics.
- Durkheim E. (1996) *O razdelenii obshhestvennogo truda* [On Division of Labour], Moscow: Kanon.
- Edwards M. (2014) *Civil Society*, Cambridge- Malden: Polity Press.
- Fetisov M. (2019) Ot "ucheta, razgruzki, ochistki" k pravam grazhdanstva: antropologiya sovetskogo pasporta [From "Recording, Unloading, Purging" to the Right of Citizenship: Anthropology of the Soviet Passport]. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 3, pp. 345-358.
- Filipov A. F. (1994) Obosnovanie teoreticheskoj sociologii: vvedenie v koncepciju G. Simmela [Justification of theoretical sociology: an introduction to the concept of G. Simmel]. *Sociological Journal*, no 2, pp. 65-81.
- Filippov A. F. (2023) Tsennosti i mobilizatsiya: k dinamike steril'nogo vzbuzhdeniya [Values and mobilization: towards the dynamics of sterile excitement]. *Russia in Global policy*, vol. 21, no 1, pp. 51-70.
- Galtung J. (1967) *Theories of Peace A Synthetic Approach to Peace Thinking*, Oslo: International Peace Research Institute.
- Galtung J. (2016) Cultural Violence. *Journal of Peace Research*, vol. 27, no 3, pp. 291-305.
- Gaventa J. (2019) Applying power analysis: using the 'powercube' to explore forms, levels and spaces. *Power, Empowerment and Social Change* (eds. R. McGee, J. Pettit), London: Routledge, pp. 117-138.
- Gavrilova S. (2023) Russia's Regional Museums. *Representing and Misrepresenting Knowledge About Nature, History, and Society*, London & New York, Routledge: Taylor & Francis Group.
- Goffman A. (2014) *On the run. Fugitive Life in an American City*, Chicago: University of Chicago Press.
- Habermas J. (1993) Otnosheniya mezhdu sistemoj i zhiznennym mirom v usloviyah pozdnego kapitalizma [The relationship between the system and the life world in the conditions of late capitalism]. *Thesis*, issue 2, pp. 123-136.
- Habermas J. (1998) *The inclusion of the other: studies in political theory*, Oxford: Polity Press.
- Haugaard M. (2012) Rethinking the four dimensions of power: Domination and empowerment. *Journal of Political Power*, vol. 5, no 1, pp. 33-54.
- Haugaard M. (2021) The four dimensions of power: conflict and democracy. *Journal of Political Power*, vol. 14, no 1, pp. 153-175.
- Hobbes T. (1989) *Tomas Gobb. Sochineniya v 2-kh tomakh*. T. 1. [Leviathan], Moscow: Mysl'.
- Hornberger N. H. (1998) Language policy, language education, language rights: Indigenous, immigrant, and international perspectives. *Language in Society*, vol. 27, no 4, pp. 439-458.
- Kangas A., Vestheim G. (2010) Institutionalism, cultural institutions and cultural policy in the Nordic countries. *Nordisk kulturpolitisk tidsskrift*, vol. 13, no 2, pp. 267-284.
- Keane W. (2018) On Semiotic Ideology. *Signs and Society*, vol. 6, no 1, pp. 64-86.
- Kislenko I. Ju. (2020) O roli ponjatij «global'nyj Sever-Jug» v global'noj sociologii. [Role of the term "Glonal North-South in global Sociology]. *Bulletin of Saint-Peterburg University. Sociology*, vol. 13, no 2, pp. 116-128.

- Kislenko I. (2021) Debates on Global Sociology: 'Unity and Diversity' of Interpretations. *The American Sociologist*, vol. 52, no 3, pp. 579-590.
- Kusch M. (2004) Rule-scepticism and the sociology of scientific knowledge: The Bloor-Lynch debate revisited. *Social Studies of Science*, vol. 34, no 4, pp. 571-591.
- Kymlicka W. (2011) Transitional justice, federalism and the accommodation of minority nationalism. *Ethnicities*, vol. 11, no 3, pp. 281-302.
- Kymlicka W., Norman W. (2000) *Citizenship in Diverse Society*, Oxford: Oxford University Press.
- Lamont M., Beljean S., Clair M. (2014) What is missing? Cultural processes and causal pathways to inequality. *Socio-Economic Review*, vol. 12, no 3, pp. 573-608.
- Lamont M., Fournier M. (1992) Introduction. *Cultivating Differences* (eds. M. Lamont, M. Fournier), Chicago, Illinois: University of Chicago Press, pp. 3-12.
- Lamont M., Molnár V. (2002) The study of boundaries in the social sciences. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, pp. 167-195.
- Lukes S. (2005) *Power: A Radical View*, New York: Palgrave Macmillan.
- Maksimova A. S. (2017) "Vtoraja pamjat'" v malyh gorodah: tipy kraevedcheskoj nejtral'nosti i razvitie lokal'noj istorii ["Second Memory" in small towns: types of local history neutrality and the development of local history]. *Historical expertise*, no 3, pp. 76-80.
- Marshall T. H. (1964) *Class, citizenship and social development*, New York: Doubleday & Company.
- Mirzoeff N. (2020) Persistent looking in the space of appearance #BlackLivesMatter. *Cultures, Citizenship and Human Rights* (eds. R. Buikema, A. Buyse, A. C.G. M. Robben), New York: Taylor & Francis Group, pp. 11-30.
- Moss M. (2011) *Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Societies. Exchange. Personality], Moscow: Knizhnyj dom — Universitet.
- Ong A., Dominguez V. R., Friedman J., Schiller N. G., Stolcke V., Wu D. Y. H., Ying H. (1996) Cultural Citizenship as Subject-Making. *Current Anthropology*, vol. 37, no 5, pp. 737-762.
- Ong A. (1999) *Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality*, Durham: Duke University Press.
- Parsons T. (1965) Full Citizenship for the Negro American? A Sociological Problem. *Daedalus*, vol. 94, no 4, pp. 1009-1054.
- Pinker S. (2003) *The language instinct: How the mind creates language*, London: Penguin.
- Pruulmann-Vengerfeldt P., Runnel P. (2018) The museum as an arena for cultural citizenship: Exploring modes of engagement for audience empowerment. *The Routledge Handbook of Museums, Media and Communication* (eds. K. Drotner, V. Dziekan, R. Parry, K. C. Schrøder), London: Routledge, pp. 143-158.
- Rawls J. (1963) Constitutional Liberty and the Concept of Justice. *Nomos VI: Justice* (C. J. Friedrich, J. W. Chapman eds.), New York: Sutton Books.
- Richardson D. (2017) Rethinking sexual citizenship. *Sociology*, vol. 51, no 2, pp. 208-224.
- Rojek C., Turner B. S. (2001) *Society and Culture*, London: Sage.
- Rorty R. (1999) *Philosophy and social hope*, Penguin UK, pp. 252-255.
- Rosaldo R. (1994) Cultural Citizenship and Educational Democracy. *Cultural Anthropology*, vol. 9, no 3, pp. 402-411.
- Sandell R. (2003) Social inclusion, the museum and the dynamics of sectoral change. *Museum and Society*, vol. 1, no 1, pp. 45-62.
- Sandell R. (2016) *Museums, moralities and human rights*, London: Routledge.
- Sen A. (2000) *Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny*. Manila: Office of Environment and Social Development. Asian Development Bank. URL: <https://gsdrc.org/document-library/social-exclusion-concept-application-and-scrutiny/> (accessed 17/04/2023).
- Silver H. (1994) Exclusion-paradigms. *International Labour Review*, vol. 133, issues 5-6, pp. 531-578.
- Silver H. (2012) *The Process of Social Exclusion: The Dynamics of an Evolving Concept*. SSRN Electronic Journal, October. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1087789 (accessed 14.04.2023).
- Simmel G. (2002) Bol'shie goroda i duhovnaja zhizn' [Large Cities and Spirit Life]. *Logos*, vol. 34, no 3, pp. 1-12.
- Stepanov B. E. (2014) "Derzhat'sja kornej": starozhily i kraevedy Caricyno v novom veke ["Stick to the roots": old-timers and local historians of Tsaritsyno in the new century]. *Tsaritsyno: an attraction with a history* (eds. N. V. Samutina, B. E. Stepanov), Moscow: NLO, pp. 366-397.

- Stevenson N. (2003) Cultural Citizenship in the 'Cultural' Society: A Cosmopolitan Approach. *Citizenship Studies*, vol. 7, no 3, pp. 331–348.
- Stevenson N. (2010) Cultural citizenship, education and democracy: Redefining the good society. *Citizenship Studies*, vol. 14, no 3, pp. 275–291.
- Stevenson N. (2020) Cultural citizenship. *The Transformation of the Media*, vol. 2, no 3, pp. 59–91.
- Stichweh R. (2002) Strangers, Inclusions, and Identities. *Soziale Systeme*, vol. 8, no 1, pp. 101–109.
- Street J. (1994). Political culture—From civic culture to mass culture. *British Journal of Political Science*, vol.24, no 1, pp. 95-113.
- Schütz A. (2004) Chuzhak: Sotsial'no-psikhologicheskii ocherk. *Mir, svetyashchiysya smyslom*, Moscow: ROSSPEN, pp. 533-549.
- Telin K. O., Filimonov K. G. (2020) Probely identichnosti: kak i pochemu nacija uskol'zaet ot gosudarstva [Identity gaps: how and why does the nation elude the state]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 35–73.
- Jarskaja-Smirnova E. R. (1997) *Sociokul'turnyi analiz netipichnosti* [Sociocultural analysis of atypicality], Saratov: SGTU Print.